

Валдай

С. П. Заварихин,
кандидат архитектуры

Прочные нити судьбы

Говорят, судьбу человека можно определить по его руке. Но и судьба города тоже в его «ладони», в том небольшом кусочке планеты, который определила ему история. Линия судьбы на этой всегда морщинистой ладони прочерчена дорогами и реками, бровками оврагов и береговых откосов, изгибами исторических событий и местных потрясений, притяжением и отталкиванием других поселений. При этом чем меньше город, тем он острее на все реагирует, тем прочнее узы, связывающие его с природой и историей. Большие города, набрав силу, подминают природу, свое «ложе», на котором родились. Как массивная наковальня, глушат они удары судьбы, оставаясь собою, этакими мощными «кузнецами своего счастья». А вот малые города хрупки, трепетны, неповторимы в силу самой своей малости, неопоставимости с могущественными внешними силами. Поэтому все они трогательно единственны, несмотря на множественность их на земле. Глубоко закономерно (судьбоносно) само появление каждого малого города именно там, где он

и появился. Искусственно рожденные не выживают.

Валдай не мог не возникнуть на берегу светлого, почти до дна прозрачного озера, на древнем пути из Великого Новгорода к южным границам его владений. Таможня в Валдайском селище пополняла богатства города и даже помогала его кормить, так как пошлину брали, как правило, натурой, в том числе и волами. С этим предание связывает и само слово Валдай — Вола-дай. Но скорее всего, слово это дошло до нас с древнейших времен, когда здесь обитали угро-финские племена. «Валда» означало белый, светлый. И опять-таки предание (уже другое) одушевило это имя, утверждая, что название места связано с известным волхвом Валдой, седым, белым, умом светлым. Вообще здесь немало сохранилось древних названий, часто даже непереводаемых. Исследование топонимики очень много может дать для изучения края и отечественной истории вообще (для родиноведения, как сказал бы дореволюционный учитель). Загадочно-протяжно звучит прежнее название Валдайской возвышенности — Алаунские горы (не менее романтично и местное их название — Ревеницкие горы); что-то варяжское слышится в имени валдайской

Сцена русской жизни XIX в. В дороге.

деревни Миронегги (но тут же рядом ласковые среднерусские Миронушки, Горушки); суровым язычеством веет от названия озера Пирос, в которое впадает озерная Валдайка; от славянских племен кривичей и полочан сохранились имена рек Пола, Полометь. Название села Яжелбицы упоминается в рукописях XII века (а в XV в. заключен знаменитый яжелбицкий договор между Василием Темным и новгородцами; в этом же селе была ставка Ивана III, выступившего против Новгорода). А какие интересные превращения происходили с названиями! Радицев, например, писал «на Валдаях» — здесь и гористость, и размах...

Новгородская таможня на берегу Валдайского озера перестала существовать после потери великим городом самостоятельности в 1478 г. Эти земли, входившие в обширный Короцкий погост и принадлежавшие новгородскому боярину, начальнику республиканского ополчения Василию Юсифову, стали собственностью потомка знатного московского рода Михаила Колычева (экспроприация как явление имеет давние исторические корни). Какое-то время после смены владельцев Валдайское селище оставалось малолюдным: новгородская писцовая книга Деревской пятины конца XV века сообщает, что в селище было всего два двора — крестьянина Якушки Демихова и его сына Климки. Они засевали около четырех гектаров пашни, а пятую часть урожая и гривну деньгами ежегодно отдавали своему господину.

Быстрый рост Валдайского селища начался с середины XVI века, после того, как между Москвой и вконец укропленным Ново-

родом установилось оживленное сообщение по Большой Московской дороге, к тому времени получившей улучшенное грунтовое покрытие. Это придало «второе дыхание» и дороге на Осташков, проходившей около селища, и древнему пути из Валдая на Боровичи (и далее на Устюжну). Оживилась соответственно и ямская гоньба (в России она с XIV в.). На берега Валдайского озера потянулись поселенцы, в том числе литовцы и поляки. Селище стало разрастаться. Московский тракт вливал в него все новые и новые силы. Строительство новой российской столицы в начале XVIII века еще больше оживило движение по тракту, который к 1746 г. дошел уже и до самого Петербурга, превратившись, таким образом, в главную государственную дорогу. Большие дорожные работы, проведенные в 1817—1834 гг., преобразовали ее в шоссе, по которому беспрерывно двигались повозки, обозы, мчались экипажи. На этой полноводной транспортной реке Валдай процветал, развивал «дорожные» ремесла, крупно торговал, составляя серьезную конкуренцию новгородским купцам. Не случайно он в 1772 г. получил статус города. В 1844 г. в нем проживало уже свыше 5 тысяч человек, было 132 каменных дома, 563 деревянных.

Кроме тракта, вполне материальной силой, обеспечившей процветание и известность Валдая, оказалась красота ландшафта. В середине XVII века, неоднократно проезжая здесь, новгородский митрополит (будущий патриарх) Никон облюбовал эти места для строительства монастыря. С восхищением он писал: «Бе бо велми любимо мне место сие, понеже красно зело. Аще кто неверовати сему хошет, да искусит вещью... Нигде же такова красна видех; аще бы кто искусом восхотел видете то святое место временю, мню яко никто не восхошет изыйти из него вечно...»¹

Разрешение на строительство монастыря было получено; более того, «тишайший» Алексей Михайлович приписал к монастырю несколько погостов, монастырей, рядков и крупных сел со всеми их угодьями и крестьянами. В этом списке был и Валдай, превратившийся, таким образом, из дворцового села (этот статус он получил в 1574 г.) в монастырское.

Никон повел дело с присущей ему энергией. Монастырь во имя Иверской (Грузинской) Богоматери заложил на Сельвицком острове. При этом само Валдайское озеро переименовал в Святое, а село — в Богородицкое (Богородицyno). Из белорусской, новгородской, московской, тверской, вятской, ярославской и других земель стал свозить мастеров — каменщиков, кирпичников, плотников, кузнецов, колесников, резчиков, позолотчиков, печатников (для типографии), литейщиков, оружейников, печаров (печных мастеров), обжигальщиков, лодейщиков, карбасных мастеров. Выписал даже рыбаков из Осташкова, чтобы обеспечивали монастырь рыбой. Охрану монастыря обеспечивали 20 (затем 50) стрельцов, которых, кроме того, заставляли делать всякую другую работу. Сам по себе этот внушительный список новых специальностей, появившихся в Валдае, говорит о резком, скачкообразном повышении культурного (и вообще качественного) уровня жизни села благодаря исторической «случайности», рожденной красотой места.

«Милый мой колокольчик под дугой. Время ехать» — надпись на колокольчике. Мастер Алексей Смирнов.

Оба эти важнейших фактора — столичный тракт, а затем монастырь — и обеспечили устойчивость, постоянную «возрождаемость» Валдая под ударами судьбы. А их было немало.

Первый сокрушительный удар поселению был нанесен в 1569 году Иваном Грозным. Подозревая Новгород в измене, он сжег Валдай, как и другие селения на пути своего карательного похода. Но «ладонь» Валдая воскресила его: такое узловое место не могло остаться пустым. И действительно, уже через пять лет в селище было 40 дворов торговых и мастеровых людей да 4 двора церковных соборян. Через десять лет число дворов выросло до 94-х.

Второе уничтожение села произошло в Смутное время, в 1611 г. от рук шведов, которые были приглашены в страну для борьбы с поляками, но, по существу, мародерствовали. И опять село возродилось, хотя и не сразу: в 1629 г. в нем было всего 20 дворов, в 1646-м — 32. С началом строительства монастыря населенность села стала расти быстрее. В 1678 г. только одних белорусских и польских ремесленников было 37 семей (92 чел.) и 23 крестьянских семьи (84 чел.).

В XVIII и XIX веках злым врагом Валдая стал огонь. Первый большой пожар случился в 1773 г., почти сразу после того, как село стало городом. Но тогда удалось быстро отстроиться вновь — хозяйственная жизнь была на подъеме. Страшный пожар случился 6 августа 1854 г., когда огонь уничтожил 67 каменных и 145 деревянных зданий. Протоиерей М. Михайловский вспоминал впоследствии, что «...зрелище было ужасное: казалось, как бы протекла огненная река или лава, извергнутая огнедышащею горою. От глухого звука падающего большого соборного колокола обомлели сердца жителей: все казалось потерянным...»².

Через два месяца новый пожар истребил еще 42 дома. В 1875 г. — опять пожар, а в 1881 г. сгорело свыше 200 (по другим данным 300). Затем, до 1883 г. — еще четыре пожара. В общей сложности за 30 лет (с 1854 по 1884) сгорело более 500 домов. Немало жизней унесла холера в 1848 г. Оставшиеся в живых утверждали, что спасла их чудотворная икона Иверской Богоматери в монастыре.

Но самым страшным ударом для города, после которого он уже не мог продолжать свое восходящее развитие, был нанесен не стихией, а техническим прогрессом. В 1851 г. была открыта Николаевская железная дорога, а в 1898-м Псковско-Бологовская. Это сразу и многократно снизило роль тракта, подорвало все ремесленное производство, торговлю, ямскую гоньбу и пр. Почти прекратился прирост населения, а с ним сократилось и новое строительство. За 60 лет — с 1850 до 1910 г. — население выросло всего на 500 человек. Перед первой мировой войной в Валдае проживало около 5 тысяч человек, было 97 каменных дома. Жизнь стабилизировалась, но не замерла, а перешла на «внутреннее горение», столь плодотворное для формирования особо устойчивых форм народной культуры.

Но тем не менее Валдай, как и любой малый город, не был замкнут только на самом себе. Как бы трудно ни приходилось, но всегда его жизнь была пронизана экономическими и культурными связями со страной.

А уж в военные лихолетья кровное (иногда кровавое) единство судеб всех городов и сел становилось обнаженно-наглядным. В 1812 г. Валдай послал на войну своих ратников, свое оружие и 25 тысяч рублей пожертвований. Вторая мировая война потребовала от города неизмеримо больших жертв. «Дом Павлова» в Сталинграде и собственный дом Я. Ф. Павлова в Валдае, где герой родился и умер в 1981 г., связаны опять же не случаем, а прочной неразрывностью малого и большого, целого и его части. Та же неслучайная судьба вывела в бессмертие Алексея Маресьева, сбитого над валдайскими лесами.

Ибо малый город — совсем не значит малая судьба.

Баранки с поцелуем

Убедившись на своем семидесятилетнем опыте в губительной разрушительности насильственной социальной «сверхдинамики», когда срывались с мест, переселялись, перемешивались громадные массы людей (переселения целых народностей, принудительные и добровольные миграции на «великие стройки», целину и пр.), когда миллионы людей, вырванных с коренных мест, образовывали «новую социальную общность» барачного, общежитского или квартирно-коммунального типа, мы теперь как библейский блудный сын припадаем к развалинам разгромленной культуры и начинаем, наконец, понимать, насколько прав был поэт, мудро сказавший нам, что на свете счастья нет, а есть покой и воля. Мы начинаем, наконец, ценить вечное, обще-

1813 г. «Сей ко. лит Валдае. Кого люблю, того и дарю» — надпись на колокольчике.

человеческое, то, чем обладали, но растеряли. И с удивлением обнаруживаем, что те самые российские уездные городки, которые мы привыкли (нас приучили) воспринимать не иначе как в комическом свете, которые для нас, «самых передовых» (и заносчивых) были символом застоя и обывательщины, эти самые городки оказались крепкими орешками для разрушителей культуры, настоящими небольшими крепостями, которых не могла пол-

ского пространства, особенно центра. В этих городках каждое мало-мальски значительное событие укрупняется до размеров чуть не вселенских и этот эффект «увеличительного стекла» делает людей более простодушными, менее циничными. Это формирует ту особую культуру, которую можно назвать патриархальной или провинциальной, но если посмотреть на нее не взглядом снисходительного туриста, а вжиться в нее и рассмотреть

ностью уничтожить нашу неуемная («пассионарная», как сказал бы Л. Н. Гумилев) жажда перемен, «динамики», «ускорения». Эти городки остались по-прежнему уездными (т. е. районными) центрами, имеют почти тот же набор общественных зданий, тот же «уездный» уклад жизни, многие обычаи, то же единство с «аграрным сектором». Сохранилась удивительная «интерьерность» город-

изнутри, тогда эта культура малых городов России предстанет как самобытная и народная, не потерявшая еще своих корней.

Таков и Валдай. Он по-прежнему живет своим не очень-то спешным ритмом, по-прежнему шумит торговая площадь и вообще весь исторический центр, как и всегда, здесь много приезжих — и «своих», из района, и чужих, приезжающих на «Икарусах» и по железной

дороге. Но все же ощущение такое, что историческая память города загнана нашим временем куда-то очень глубоко и «безысходно» и что нужно, необходимо помочь городу вспомнить самого себя.

Как жил Валдай до революции? Вот свидетельство столетней давности: «Девушки продавали на улицах баранки с поцелуем, в праздники, летом, вырядившись в жемчуг, штофы и парчу, выходили на площадь играть в лунки

ми вывозили их мужики в губернию и за ее пределы — в Москву, в волжские города и даже в Сибирь. О валдайских баранках писали Радищев и Пушкин. Пекли их в четверг вечером, далеко за полночь, а в пятницу, в день торга, обвешанные вязками, женщины с утра торговали на базаре и по Посадской улице (ранее, в XVIII — начале XIX в. торг устраивался и по воскресеньям). Три раза в год проводилась ярмарка.

Праздников было много, но особенно почитался в Валдае день св. Параскавее, в народе называемый Коповщиной. В этот день хозяева собирали обеды, давали вечера, ходили друг к другу в гости. Очень любили (и любят) горожане свой Летний сад на Екатерининской площади, «в горном месте, откуда прекрасный вид на озеро и его живописные острова». В то время жители Валдая еще называли себя уважительно-традиционно — валдаши, а не так, как сейчас, суетливо-уменьшительно — валдайцы. Большую часть населения составляло купечество. По данным статистики в середине прошлого века в Валдае было около 840 купеческих семей. Это может показаться невозможным для небольшого городка — каким образом они существовали в таком количестве? Но дело в том, что далеко не все, числившиеся купцами, действительно ими были. Купеческое сословие формально резко выросло в конце 1760-х гг., когда после проведенной Екатериной секуляризации церковной и монастырской собственности Валдай перестал быть монастырским селом и по представлению новгородского губернатора Я. Е. Сиверса 220 семей бывших монастырских служащих и «крепостных» крестьян были записаны в купцы, а многие другие — в мещане. Это и позволило вскоре преобразовать село с почти двухтысячным населением в город (с прежним названием — Валдай). Первый же действительно «торговый человек» — Ефим Филимонов — был зафиксирован в документе 1678 г.

История сохранила нам также имена родоначальников разнообразных валдайских ремесел. В строительном деле безусловно выделяются имена Аверкия Мокеева (из Калызина), Афанасия Фомина, Василия Наумова, под руководством которых сооружался Иверский монастырь⁴. Мещанин из белорусского города Копоса Игнат Максимов сумел наладить выпуск многоцветных печных изразцов из местной глины. «На то изразцовое дело» ему поставили избу с сениями. Эта керамическая мастерская просуществовала полвека. От нее почти сразу отпочковалась мастерская в подмосковном селе Воскресенском на Истре, где Никон строил другой свой монастырь — Ново-Иерусалимский. Туда даже глину поначалу возили из Богородицкого.

Известными печарами, изготовлявшими изразцы, были Яков Степанов и его ученик монах Селивестр.

В XIX веке до 300 валдайских семей занимались строчевым промыслом — вышиванием. Изделия рукодельниц продавались во многих городах, в том числе Риге и обеих столицах.

Расцвело в Валдае и кузнечное дело. До 50 кузниц было в городе в начале XIX века, а в 1844 г. — почти 100. Изготовляли не только разную мелочь, но и сельскохозяйственные орудия. Телеги, тарантасы, расписные дуги

Сцена русской жизни. Чаяпение. Б. М. Кустодиев. «Московский трактир».

или хороводы; зимой же, днем, в штофных, со стоячим воротником полушубках, накинутых на одно плечо, катались на лошадях по улицам, а ввечеру с гор, на саночках с подрезами, управляемых парнями³. Баранки с поцелуем! Удивительные культурные формы рождала русская провинция! Валдай вообще славился своими кренделями, баранками и «барашками» (вероятно, сушки). Зимой мешка-

тоже в большом количестве шли на рынок из валдайских мастерских.

Настоящую славу Валдаю принесло литье колоколов. В 1656 г. мастер Алексей Григорьев отлил первый большой колокол (весом 35 пудов, высотой 2 м). Колокол назывался «Никон». На нем было изображение патриарха. В 1710-х гг., когда по указу Петра I Иверский монастырь был приписан к петербургской Александро-Невской лавре, колокол был увезен в столицу и установлен на колокольне лавры (в те времена валдайский монастырь лишился многих своих ценностей). С середины XIX века на валдайских заводах Смирнова, Митрофанова, Стуколкина, братьев Усачевых отливались колокола для многих городов. Валдайский звон считался одним из самых чистых. Иван Стуколкин, например, отлил в Петербурге (на Малой Охте) одиннадцать колоколов для Исаакиевского собора. Николай Смирнов для Воскресенского собора Смольного монастыря отлил колокол весом 607 пудов. Во второй половине XIX века в городе работал известный мастер Слизов, отливший «полиелейный» колокол для колокольни Иверского монастыря.

Кроме больших колоколов Валдай прославился и своими маленькими, главным образом поддужными, колокольчиками весом 2 фунта. Самый ранний из известных колокольчиков изготовлен в 1802 г. С этого времени небольшие колоколотейные мастерские стали возникать одна за другой. Позже многие из них вольются в завод братьев Усачевых. Колокольчики отливали разных форм, но почти

все они имели надпись по ободу. Самой популярной (возможно, благодаря известной песне, написанной А. Верстовским на слова поэта-декабриста Ф. Глинки) была надпись «Дар Валдая».

Валдайские поддужные колокольчики на редкость органично слились с символом России — ямщицкой тройкой. Этот сплав — порождение «загадочной русской души», соединяющей безудержную удаль с произительной лиричностью. Не случайно всенародно любимые мелодичные валдайские колокольчики были опозитивированы преданием, повествующем о том, что, когда новгородский вешевой колокол везли в Москву по Валдайским «горам», он упал с кручи и рассыпался на множество кусочков. Эти кусочки и превратились в колокольчики.

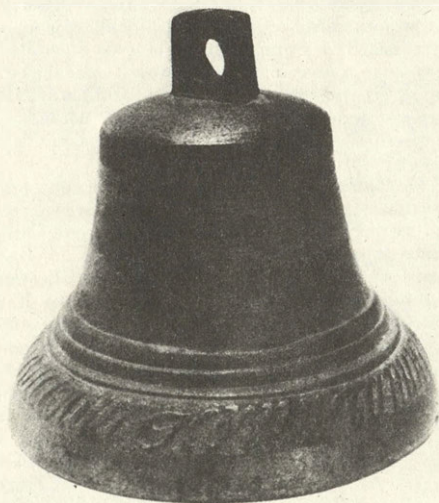
Сегодня искусство литья колокольчиков почти забыто. После революции колоколотейные мастерские и заводы закрыли (последний — в 1930 г.), многих мастеров репрессировали. И до сих пор нет «заинтересованного лица», готового взяться за практическое возрождение этого славного искусства. Хотя уже есть специалист по истории колоколенного литья, большой энтузиаст его возрождения. Это искусствовед, директор валдайского краеведческого музея Надежда Петровна Яковлева. С болью пишет она о трагедии колоколов, но и с верой, что не все потеряно: «Что-то очень русское сердце в эти годы национального беспамятства верило — забвение не вечно. И вместе с гимном Страны Советов в начале и конце трудового дня по Всесоюзному радио звучали колокола — колокола московских курантов»³.

Жизнь в малом городе полна поэзии повседневности, освещаемой «чудесными» или легендарными событиями в жизни города. Для Валдая одним из таких событий стал приезд в 1602 г. брата датского короля. Вместе с боярином Салтыковым и думным дьяком Власьевым он направлялся в Москву для вступления в брак с дочерью Бориса Годунова Ксенией.

В истории Валдая есть и имя Петра I. В 1697 г. он выслал для содержания в монастырской темнице 110 мятежных стрельцов. Позже он сам побывал в этих местах проездом из Москвы в Петербург. Посетил монастырь, долго катался на лодке по озеру. Это было как раз в день апостолов Петра и Павла. С тех пор в этот день на валдайской пристани устраивалась ярмарка, а на озере — катанье на лодке со стрельбой. Недалеко от пристани выстроили часовенку в честь Петра и Павла. А в 1860-х гг. купец Колобов на кладбище выстроил Петропавловскую церковь.

Вообще на особ императорской фамилии Валдаю везло. В 1801 г. здесь побывал Александр I, а в 1825 г. в валдайской Екатерининской церкви стоял гроб с его телом, которое везли из Таганрога в столицу. В мае 1837 г. во время первого своего путешествия по России город посетил наследник — будущий Александр II. Тоже, разумеется, катался на лодке, которую горожане поместили затем в специальную каменную галерею. Наследник на прощание обещал прислать городу катер и через семь лет катер действительно прибыл и торжественно был помещен в каменный футляр.

Жизнь Валдая не обошлась и без междуоу-

«Купи барин, ни скулись со мною езд веселье» — надпись на колокольчике.

собою взрыва. В 1754 г., когда Валдай был еще монастырским селом, в роковой день 22 июня ямщики Зимогорья и других окрестных ямов, вооружившись кто чем мог, пошли «войной» на жителей Богородицкого, которые, по их мнению, несправедливо захватили землю вдоль дороги к Корозком озеру. На защиту своего села встал монастырь, собрав крестьян из многих селений. По свидетельству очевидцев, столкнулось до 10 тысяч человек — настоящее сражение! В результате ямщиков одолели. Каждого десятого зачинщика наказали. Остальные по случаю коронации Екатерины II (судебный процесс длился почти семь лет) были прощены.

Действительно, что ни город, то нор.

«Уездный город N»

Так мог обозначить Валдай публицист или писатель прошлого века. Как уездный центр город на Валдайских горах действительно типичен (действительно «N»), имел привычный состав общественных зданий и пространств (храмы, городская управа, уездное земство, почта, полицейская контора, лавки, городской сад и пр.). Но просто как город, как поселение на берегу светлого озера, Валдай неповторим и единствен.

Читатель может представить себе Валдайское озеро, обрамленное лесами, украшенное островами, к юго-западному берегу которого подходит почти плотную высокую терраса. Наверху террасы, последовательно отступая своими бровками вглубь, проходят еще две гряды, более пологие. Этот гигантский амфитеатр разрезается четырьмя ручьями, сбегаящими в озеро. Самый большой из них — Язынец — почти в центре амфитеатра образовал глубокий, поросший лесом овраг. Вместе с обширной озерной бухтой (Цинаревой лукой), принимающей в себя воды ручья, он образует сильную поперечную ось города, ставшую своеобразной границей между верхней (новгородско-петербургской) и нижней (московской) частями Валдая. Обе эти части соединяет продольная градостроительная ось — Большой Московский тракт, на который изначально и было нанизано древнее Валдайское селище.

Топо съемка 1766 г. показывает, как вытянулось к этому времени село узкой длинной лентой по обеим сторонам тракта. На одном из межручьевых мысов, ближе других подошедшем к берегу, привольно раскинулась Торговая (Базарная, Троицкая, Соборная) площадь. Ограниченная с одной стороны трактом, с другой — бровкой мыса, она имела грацециевидную форму. Именно эта площадь (а не детинец, как в других городах) является композиционным ядром Валдая — бывшего села. Отсюда тракт начинает следовать изгибу береговой линии, максимально к ней приближаясь. Здесь стоят два главных храма — Введенский и Троицкий, в то время уже перестроенные в камне взамен сгоревших деревянных. Третья — деревянная церковь Живоносного источника стояла (теперь не стоит) недалеко от Язынца — в начале дороги на Осташков. Со стороны Москвы село замыкалось Осташевской и Кузнецкой слободами, к которым с запада примыкала Кузничная площадь, а с востока — небольшой ям Зимогорье. Здесь, на берегу ручья, в отдалении от центра села, кузницы представляли меньшую опасность. На окраине Кузнецкой слободы разме-

чалось Гостиное поле, служившее местом проведения ярмарок. Сохранилось название улицы — Гостинопольская.

Со стороны Новгорода застройка в 1760-х гг. завершалась Сенной площадью с Бычьим двором и соляным амбаром. Между Сенной и Торговой площадями вдоль тракта лежала Панская слобода, заселенная в свое время поляками и белорусами.

Жилые дома в селе ориентировались преимущественно на тракт. Лишь в двух-трех местах застройка доходила до озера и некоторые дома поворачивались лицом на водную гладь.

Таким село сложилось постепенно почти за три века своего существования. Но с того времени, как Валдай стал городом и соответственно своему новому статусу получил генеральный план (утвержденный Екатериной II 2 апреля 1772 г.), его планировка стала преобразовываться коренным образом. Ландшафтная застройка начала превращаться в регулярную в полном соответствии с проводимой в то время государственной градостроительной политикой (почти 400 городов тогда получили регулярные планы — такого масштаба преобразований не знала ни одна страна). В пределах пятна застройки было запланировано выпрямить тракт и превратить его в большой «проспект». Предусмотрено было несколько площадей, самая большая из которых — Соборная — проектировалась пятиугольной, значительно (почти в пять раз) превосходящей существующую по размерам.

«В Валдае 1811 г.» — надпись на колокольчике. Мастер Иван Смирнов.

Природный рельеф и бывшая здесь довольно плотная жилая застройка практически не принимались во внимание.

Подобный схематизм важного фрагмента генплана (характерный, впрочем, для многих перепланировок того времени) преодолевался самой жизнью: фактическая застройка гораздо разумнее учитывала существующее положение. К середине 1780-х гг. новые прямоугольные кварталы включали в себя уже 300 зданий, в том числе 13 каменных. На новой центральной площади напротив Цинаревой луки возвели каменные корпуса путевого дворца и присутственных мест. Соборная площадь оставалась достаточно компактной, не разрасталась до проектных размеров.

Для новой красоты преобразующегося города очень существенной оказалась постройка в 1793 г. по проекту известного зодчего Н. Львова церкви Екатерины напротив путевого дворца. Обаятельная классическая ротонда внесла ноту нового лиризма и даже «столичный дух» в образ Валдая. Ее белый круглящийся объем среди высокой зелени, величественно поставленный над крутым склоном, притягивает к себе до сих пор, несмотря на «многоопытность» нашего века.

Рост города ускорился с начала XIX века. Еще при Павле I большой отрезок тракта юго-восточнее Язынца был застроен каменными и деревянными зданиями и получил название Миллионной или Павловской улицы (теперь она почему-то носит название Советский проспект). Всего же в городе в 1825 г. было 118 каменных зданий. В 1809 г. уездный землемер Я. И. Луцкич подписал план яма Зимогорье. Но после большого пожара 1854 г. инженером-подполковником Лесниковым, архитектором Кржижановским и архитекторским помощником Славянским менее чем за две недели был разработан новый план города и яма. План предполагал упразднение отрезка старого тракта (т. е. «косой» Екатерининской улицы) и постройку гостиного двора с соответствующим удлинением Соборной площади. Но эти достаточно кардинальные предложения не были воплощены в жизнь: Валдай вступал тогда в полосу своего экономического упадка и подобные затраты ему были не под силу.

Во второй половине XIX века прямоугольная планировка окончательно утвердилась, но это не сделало внутреннее пространство города сухим, схематичным. Выразительная ландшафтная подоснова оказалась сильнее геометрии. Пересеченный рельеф, сложная береговая зона, дальние перспективы и трасса бывшего тракта, свободно разрезающая прямоугольную планировку, — все это рождает неповторимый колорит пространства старого города, в котором так естественно и непредсказуемо сочетаются открытость и замкнутость, регулярность и живописность, серьезность и наивность. Самыми оживленными и привлекательными оказываются именно эти исторические пространства по улицам Гоголя (бывшей Екатерининской), Народной (Градской), Советскому проспекту (Миллионной), в начале Комсомольского проспекта (Богородской ул.) и, разумеется, на Соборной (ныне пл. Свободы) и Екатерининской площадях. Здесь же сосредоточились и главные общественные, торговые здания, рынок, автостанция. Конечно, красота и обаяние этих

мест создаются вовсе не каким-то очень высоким академическим уровнем архитектуры зданий — постройкой в большинстве своем «самоделными», небогаты декором, не отличаются профессиональной изысканностью. Но они простодушны и непосредственны, они все удивительно уютны. Ни одного кичливого, надменного или холодно-неприступного здания в старом Валдае нет. Какое-то необъяснимое наслаждение естественностью доставляет прогулка по разбитым тротуарам Народной улицы, плавно изгибающейся у подошвы террасы. На более отдаленных приозерных улицах, там, где сплошь деревянные дома, где сохранилось еще булыжное мощение, где чистые песчаные обочины, зеленые ковры лужаек перед каждым домом, добротные ворота, брызжущие красным соком калины в палисадниках и где тишина, впаивающая, кажется, навечно в серебристые поленички дров, лавочки под окнами, прорезные наличники — здесь, на этих улочках, во плоти является вечная, постоянная основа бытия, то, без чего жизнь переходит на «беспривязное содержание» и в конце концов теряет смысл своего бега.

Малые города России — хранители этих жизненных основ, и не дай Бог нам разрушить их окончательно в своей безоглядной ослепленности «прогрессом».

Здесь, на окраинных улочках Валдая, трудно представить, что совсем рядом бежит оживленное шоссе, что город окружается девятиэтажными пыльными и неприкаянными микрорайонами, что главные храмы города до сих пор стоят обезглавленные, а на самом высоком месте бывшей Соборной площади и на ее оси бесцеремонно встала двухэтажная стекляшка ресторана — этот символ «высшей духовности» нашего недавнего прошлого. Озеро внизу кажется тем же, что и тысячелетия назад, и не верится, что оно уже стало мертвым усилием завода «Юпитер», и что для его очистки потребуются одиннадцать лет. Многому чему не хочется верить здесь, на этих островках сохранившейся исконности. А хочется, наоборот, верить в то, что здравый смысл, наконец, победит, что город будет застраивать не коробками, а сомасштабными «валдайскими» домами, что будет выполнено принятое на высоком уровне решение о превращении Валдая в один из туристских городов создающегося «Серебряного кольца», что возродятся ремесла и на улицах вновь откроются мастерские, ателье, лавки рукодельщиков, что зазвонит вновь валдайский колокольчик, пробуждая в наших душах зовущую тоску о пронзительной песенности заснеженных русских просторов.

¹ Российская историческая библиотека. Спб., 1878. Т. 5. С. 64—64 об.

² Михайловский М. Беседа в день столетия города Валдая. Спб., 1872. С. 12.

³ Терюхи и В. В. Город Валдай, основанный Императрицей Екатериною Великою. Спб., 1874. С. 5.

⁴ В строительстве Иверского монастыря принимали участие плотники Иван Белозер, Иевко Волк с сыновьями, Иван Исаев, Остап Кондратьев, Никифор Ретька, Андрей Стефанов, Ермолай Фомин «с товарищи», Андрей Яковлев, паркетчик Андрей Заонга, столары-резчики Иван и Климент Михайловы, монахи Сивриран и Иосаф, палычки Еремей Ефимьев, кирпичник Козьма Пантелеев. Лодки делали под руководством лодейщиков Герасима Иванова и Антона Васильева. См.: Истомина Э. Г., Красноречев Л. Е. Иверское чудо. Л., 1982.

⁵ Яковлева Н. Где же валдайский колокольчик? // Ленинский путь. 1989 г. 29 авг.